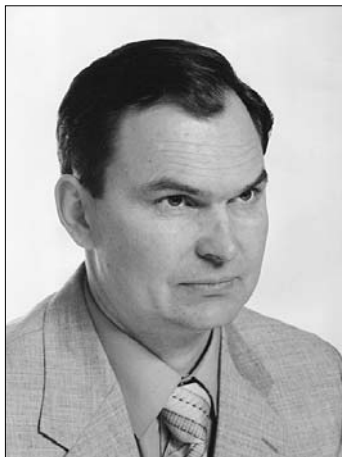

АНДРЕЙ БЕЛОЗЁРОВ

ПРАЗДНИК ДЛЯ КОМБАТАНТОВ

РАССКАЗ

Двадцать седьмого августа, в День национальной независимости Молдовы, в преддверии её слияния с Румынией (именно такие сегодня ходят слухи по поводу неуклонного наползания западного соседа на солнечную страну), Ион, тот, что без руки правой, Дину, что без руки левой, и Михай, такой же пятидесятилетний седовласый ветеран Приднестровской кампании, только обезноженный, с парой великолепных протезов (деньги на приобретение дорогостоящего симулякра выделил заморский фонд к очередной круглой дате несостоявшейся державы), сидели в центре Кишинёва на гранитном приступке памятника Штефану Великому, молдавскому господарю, объединившему земли между Днестром и Дунаем в средние века.

Итак, три инвалида, три боевых товарища, сидели у памятника и опорожнялись по очередному стакану отменного домашнего вина из внушительного вида канистры. Сегодня их *день*, в каталажку не упекут за распитие в сердце столицы. А здесь и было самое сердце: ступи шаг и — здание Верховного Совета, ступи два — Президентура. А вокруг спасительная зелень Центрального парка маскирует разбившихся на группы подгулявших комбатантов в зелено-пятнистых одеяниях, кого с клюкой деревянной, а кого и в поблескивающей на солнце инвалидной коляске, охлаждает и смягчает нравы, презентуя миру нарядных обывателей, парадных же полицейских с аксельбантами и в белых перчатках. Праздник, одним словом, все друг друга уважают...

БЕЛОЗЁРОВ Андрей Борисович родился в 1966 году в г. Бендеры Молдавской ССР. Учился в Кишинёвском институте искусств и педагогическом институте. Окончил Высшие литературные курсы в Москве. Проза печаталась в журналах "Кодры", "Молдова литературная", "Московский вестник". Член Союза писателей Приднестровья. Живёт в г. Бендеры.

— Скажи, Дину, — говорил Ион, отирая рукой левой пышные усы, — почитай, двадцать лет прошло, а нам всё туфту гонят: шла война, мол, за верное дело, отстаивали независимость... Какая независимость, если вот-вот вошьёмся в Руманею? Родной язык, лимба молдовеняскэ, называют румынским; дети богатых предпочитают учиться в Бухаресте; с каждого фонарного столба объявления предлагают иноземное гражданство; да и договор о западной границе до сих пор не подписан! Получается, кровь проливали в Приднестровье зря?.. Нужно ль было способствовать развалу Молдовы, сеять хаос и неразбериху, чтобы оставшимся Бессарабским уездом влиться в Румынию?

— Спроси об том сепаратистов, хе-хе! — горьковато усмехался в пышные усы Дину, смахивая жаркий пот со лба рукой правой. — По-моему, управители по обе стороны Днестра зашли в тупик. Да и в Москве не жалуют всякую независимость: держат и тех, и других на коротком поводке.

— А я хочу спросить тебя, Дину, боевого товарища, — с озорным прищуром не унимался Ион. — Тебя, именно тебя! С сепаратистами у нас отдельный разговор.

— Ты спросил бы меня тогда... Тогда, когда нас предали в штабах, и мы уходили из Бендер... Ты бы меня тогда спросил: буду ли я, лишённый кормилицы, — Дину похлопал себя по обглоданному предплечью, — иметь друзей среди тех, в кого стрелял из “калаша”?

— Теперь они тебе друзья? — не унимался Ион. — Эти приднестровские черти?

— Сердцу друг. И все его друзья — мои друзья! — ответил Дину. — Сколько с ними выпито за последние годы. Сейчас они подойдут... — Он опять взялся за канистру с вином.

Казавшийся рассеянным Михай согласительно мотнул головой; орлиный профиль, белесая шевелюра, словно припорошенная пеплом бывших сражений, шрам на груди, шею и подбородке делали его похожим на героя, вырвавшего своё сердце, чтобы осветить людям путь во тьме... Но безногий Михай ничего не говорил, никого ни к чему не призывал, смотрел на перекрёсток — в толпу пёстрых обывателей, использующих любой предлог, дабы повеселиться, невзирая на суть, а также на гражданство, зачастую тройное: молдавское, российское, румынское...

Сквозь праздничную суету с речами и аплодисментами, с хлопками пестард и национальными танцами, Михай видел сейчас пред собою подбитый бронетранспортёр на подступах к Бендерскому горисполкому. Весь экипаж погиб; а вот его, водителя боевой машины, спасли, — бендерчанин Сергей спас, ополченец машиностроительного завода, впоследствии тоже раненый — тоже в ноги, как Михай... Но тогда: выстрелы, разрывы мин, пулемётное рокотание, движущиеся самоходки и перебегающие по площади казаки с гранатомётами... затем вспышка, сменявшаяся... Он помнил Сергея в проёме люка на фоне неба; Михай, запрокинув окровавленное лицо, хотел кричать, но язык не ворочался; Михай не чувствовал ног, только тянул беспомощно руки вверх к врагу и спасителю в одном лице...

Через день враг и спаситель наведлся к Михаю в больницу; а ещё через день и сам очутился в соседней палате. Бендерская клиника по мере возможности принимала и тех, и других, оказывая первую помощь; далее на выздоровление Кишинёв забирал своих, Тирасполь — своих.

Припарковав машину на свободной от массовых мероприятий улочке, однорукие Владимир и Степан пошагали вслед за хромым торопившимся Сергеем — к центру Кишинёва, полонённому праздничной публикой. У Сергея был протез той же фирмы, что у Михая. “Враги”, они не теряли друг друга из виду после войны, пересеклись, спустя несколько лет, в московской клинике, где им и установили протезы.

Они уже не первый раз сходились лицом к лицу у памятника Штефану Великому — комбатанты, которые воевали друг против друга: “национальные герои” и “национальные преступники”...

До войны Сергей учился в кишинёвском политехе, хорошо знал город, имел здесь много друзей. Был весел и хорош собой... А нынче... “Лучше бы

уж тогда убили!” — злые мысли лезут в голову. Да и как они не полезут, когда единственная *живая* нога волочится, а рука дёргается, когда обида захлёстывает через край: калека на шее у жены, когда стыдно смотреть в глаза сыну и дочери, которым не можешь помочь материально... Обида, тоска, а то и ярость... Ярость вдруг ни с того, ни с сего — до темноты в глазах! Из-за мелочи какой-нибудь: продавщица в продуктовом нерасторопна, рейсовый автобус запаздывает, собаки выгуливаются без поводков... Соседи порой его побаиваются, прохожие шарахаются... Телевизор берётся Сергей смотреть, — иллюзия для идиотов; и впечатление: сплошь уроды — *мирные* сограждане страны... Потому и замыкается в себе, чтобы окружающих не терзать и самому не беситься... Одна отрада — встреча с такими же, как он, пусть и дравшимися по другую сторону!

...Сегодня приднестровцы, в отличие от прошлых лет, надели медали, которые президент непризнанной республики вручал им к памятным датам. Эти блестящие безделицы особо не отличались от наград молдавской стороны, что также щедро раздавались президентами и исполняющими обязанности главы страны. Облачённых в пятнистые униформы воинов, на груди которых красовались награжденные побрякушки, а рукава подвёрнуты, как и положено, выше несуществующего локтя (правого или левого), прохожие воспринимали за *своих*. Им аплодировали, кидали цветы, выкрикивали по-молдавски подobaющие разности. Назойливая кутерьма праздника слегка озадачивала троицу.

— Зачем впадать в безумные радости, когда бездарно сдаются Бухаресту? — холодно глядя на праздничную мишуру, сказал Владимир. — Не за горами время, когда очередного Дня независимости может не наступить.

— Люди требуют зрелищ, — улыбаясь нарядной толпе, говорил Степан. — Сейчас им плевать, что Румыния и не собирается подписывать договор о границах с Молдовой... Никто и никогда не хотел его подписывать... — Степан поймал брошенную ему из толпы черноглазой красавицей гвоздику. Вставил цветок в петлицу на груди, поклонился поклоннице.

— За что защитники конституции проливали кровь, если у Молдовы до сих пор нет западной границы? — вопрошал Владимир. — С кем мы воевали в девяносто втором году?

— А вот сейчас мы с ними это опять выясним... — ответил друзьям Сергей и увереннее зашагал на ножном симулякре.

А вокруг старинные фасады Кишинёва, хранящие непрерываемое достоинство, были увешаны транспарантами на латинице, триколорами с бычьими головами и синими стягами Евросоюза...

Сергея прошило в родных Бендерах пулемётной очередью, он лишился ноги, — наверное, в тот же час, когда Михаю ампутировали обе. Роковое совпадение. В его ущербности виноват, однако, был другой Михай, такой же усатый и столь же обеспокоенный за судьбу суверенной Молдовы. Тот был позднее убит осколками гранаты, выпущенной из гранатомёта приднестровским гвардейцем — тоже патриотом своей земли.

Владимир и Степан хлебнули *своего*. Но думая о прошлом, озирались на ярких молдавских молодых, что стояли праздничной гурьбой или крутились в хороводах огненного народного танца. И хороши ж эти молдаваночки, ничем не уступят славянским красоткам! Зачем их надо было делить на *чужих* и *своих*?

Да и зачем *всё это* было нужно Кишинёву и Тирасполю? Вернее, тем, кто стоял во власти... Где свобода? Где независимость? Ведь глубинное народное устремление — к единству... Как хороши эти дивчины с заплетёнными в косы яркими лентами!

И вот наконец встреча. В который уж раз, преодолевая пространство и время, и оголтелый агитпроп, и обывательские догмы!

Вначале Михай обнимался ус в ус, проливая мужескую слезу, с Сергеем; хлопали они друг друга по бокам и симулякрам ножным. Потом Михай вбирал попеременно вздрагивающую бурно грудь Владимира и Степана, также пробитую жарким потом, увешанную, как его грудь, орденами и медалями. И вновь переступал ходульно и жадно к Сергею, отрывающемуся от Дину и Иона, которые не скрывали скупых мужских слёз...

Год назад Сергей возил их по боевым местам. Каждый из комбатантов оставил там руку — одну правую у безымянного бетонного забора, другую левую у моста через Днестр; и готовы были эти отчаянные молдаване обменяться с русским и украинцем, также потерявшими руки — один левую у моста, другой правую у деревянного забора, — обменяться частью души гайдука вольного, но обманутого безжалостным *Политиком*, восседающим частью зада в Кишинёве, а смежной ягодицей в Тирасполе...

Исполнившись единым телом и единой душой, седые воины уселись на гранитный приступок монумента перед канистрой. По обычаю пили из одного стакана. Дину привёз из села “Каберне-Совиньон” пятилетней выдержки: сам делал, никому не передоверял, — левой рукой и давил виноград, и сжегивал в бочку, и купорил. И всем причастившимся приднестровским гайдукам понравилось это вино, — лучшего они не пивали никогда.

Далее Степан из Тирасполя обнажил широким жестом правой руки угощение — надёрганную из Днестра сельдь, провяленную и засушенную под началом жаркой небесной канцелярии. По этому поводу и пошутили в который раз: только солнце, мол, и осталось в Молдавии, остальное всё растащили прохиндеи; была б возможность солнце украсть — не церемонились бы...

Заговорили после стакана и о том, что происходит по обе стороны Днестра. Войну на радио, телевидении и в газетах вспоминают для того, чтобы усугубить пропасть между разделённым народом. Чего боится *Политик* больше всего? Единения! Оттого и железнодорожное сообщение между Кишинёвом и Тирасполем порушено, и мобильные телефонные сети несовместимого стандарта, и нелепые таможенные поборы-регистрации, а также препоны приднестровских погранцов в отношении молдаван без местной прописки. Вспомнили и копечные пенсии военным инвалидам — и у той, и у другой стороны противостояния; невостребованность свою в государстве.

Вспоминали и про великую кровь... Этой кровью скрепляется договор: правый берег Днестра “уходит” то на Запад (как в 1918 году), то на Восток (как в 1940 году), потом опять — на Запад (в 1941—44 годах), потом на Восток (в 1944—89 годы); и вот опять метит на Запад. И только Бендеры — камень преткновения: находясь на правом берегу, всё же является ныне административно “левобережьем”; вот за этот кремень и ведётся тяжба. Великая Россия, Великая Румыния, Мировой Пан — ведут территориальный спор, а молдавские и приднестровские гайдуки слагают руки-ноги, буйны головы на алтарь геополитический. Рассуждали преимущественно Сергей и Михай — лидеры, да и старше немногим своих спутников. У обоих болит душа за страну, за народ. Им слаженно поддакивали товарищи.

Эх, как хотелось Михаю пробежаться по селу за околицу, упиваться мягкостью земли и сочных трав, вскинуться на коня и скакать во весь опор или громыхать на колхозном тракторе по бригадирским надобностям, подмигивать проходящим молодкам... Но Михай смотрел на своё обезноженное тело, тяжело вздыхал:

— Спустили пар любимой родины... Стало ли кому от этого лучше?! — Потом глубокомысленно прибавлял: — Другая беда ждёт. Двадцать лет назад сшиблись лбами с братьями на Востоке, ныне с Запада лезет чума — другая империя...

Ему кивали собратья: Дину и Иона. Им отвечали “сепаратисты” — Сергей, Владимир и Степан:

— Да когда ж мы бились, разве думали, чтоб сдать Молдавию под чужую власть. Сколь веков рука об руку с Россией! Кто выиграл от войны?

— Да уж понятно: не мы с вами! — стучал по своим протезам Михай.

Михай закатывал пятнистые штанины, поглаживал коричневые симулякры с металлическими заклёпками, — в надежде изведать запретных ныне ощущений от прикосновения к *живой* ноге. Ударял по протезам кулаком: “Зачем же всё это? Кто выиграл от войны?!” — “Понятно: не мы с тобой!!”

Так они говорили после объятий и вышитого; запорокидывали головы в небо, расчерченное крестом равноконечным в руке господаря древней державы, в другой же господарь сжимал рукоять грозного меча...

Без левой руки быть по жизни проще, чем без правой. Но не для левши. Молдаванин Дину обычной сноровки, а вот украинец из Приднестровья Степан всему учился заново. У него разорвалась в руке граната (не осколочная, иначе хана — на месте!), он её с выдернутой чекой обронил, а потом подобрал, чтобы поразить бегущего на него врага. У Степана вырвало конечность, а заодно и контузило на открытом пространстве — у главпочтамта со стороны церкви. Как они там сошлись — ведь основные силы вели бои у главпочтамта, но со стороны исполкома, подбираясь друг к другу с улицы Ленина. Не стал добивать штык-ножом вскинувшийся на Степана с пылу-жару “враг”, ошеломлённый отсечённой Степановой рукой, которую сразу и прибрал — неоспоримый вещдок. Швырнул, однако, супротивнику дозу морфия и бинты в упаковке. Убежал вместе с рукой, потрясая ею и гикая...

Сумасбродный, но по-своему *братский* поступок, почти как в случае с Михаем; не готовы ещё были недавние советские армейцы убивать, вот так, среди бела дня, не тот запал ненависти. Потому и обронил гранату Степан, прямо у церкви обронил, не смог метнуть в живую цель — и враг не покарал его рядом с церковью.

— Ты встречал того парня здесь, у Штефана? — спрашивали Степана комбатанты.

— Вглядываюсь в каждое лицо, — отвечал Степан. — Видимо, погиб он... Не пойму: зачем руку забрал, — какой прок в ней?

— Хотел запастись, ха-ха-ха-ха! — скалились Ион и Дину. — Если свою оторвёт, эту бы и пришили...

Смеялись. Больше всех — Дину; его руку размазал по асфальту в районе кинотеатра “Дружба” свой же танк, когда взрывной волной от казачьего гранатомёта вышвырнуло волонтера из окончика на перекрёстке прямо под гусеничный ход. Кошмар в связи с потерей кормилицы не забывается ни на день, ни на час мирной жизни... Когда долбанул взрыв — было даже забавно: будто “девятый вал” подхватил, перекувырнул, шваркнул о песчаный берег, — несколько мгновений, распахнутых в вечность; но вот последующая за этим вечность оказалась свирепым испытанием — простёртая по ходу наплывающего танка, левая рука с татуировкой моряцкого якоря у большого пальца...

Помнит Дину *мгновение*, когда нужно б извернуться, повернуться, рвануть, — не смог... Будто в кошмарном сне потерял контроль над телом, движения завязли, словно у спрута на глубокой воде. Все до мельчайшей подробности помнит: душный запах мазута и запах собственного пота за полсекунды, за миллиметр до необратимого. И конечно, боль, дикая боль, куда без неё, тут как тут, — выворачивающая психику наизнанку: будто тянут из тебя жилы через открытую ладонь тысячи демонов, навёртывают на вилы... Продирался взглядом в зачерненное обрубками акаций небо, молился, прямо возопил к Всевышнему! (И молдаване, погибая, молились, и приднестровцы. Одна у них церковь, один Бог.) Потерял сознание. Но прежде увидел, *во что* превратилась рука с татуировкой якоря: из перемолотых костей кровавое месиво, утрамбованное многотонной машиной.

Все они отслужили в Советской Армии. Кто во флоте, кто — в пехоте, кто в иных войсках. Закалились. Но не закалила армия дух, чтобы противостоять такой напасти, как межэтническая распря, как политическая кривда.

Потеряли от пулевых ранений правые руки Ион и Владимир. Это только в кино: ужаленный пулей в плечо воин выдоживает, сохраняя и конечность, и присутствие духа, — как правило, стиснув зубы, держась за рукав: “Ерунда: навылет!” Не в кино: пуля, пущенная из “калашника”, попадая в предплечье, вырывает руку, такой мощностью обладает этот легендарный автомат. Если встречаются уцелевшие в совокупности после ранения комбатанты, значит, задело рикошетом, опосредованное ранение, пуля потеряла убийную силу...

Молдаване и приднестровцы нарвались в конце двадцатого века на бесчеловечное изобретение — пулю со смещённым центром. Подобная пуля, влетая в плечо, может выйти из шеи, сорвав голову раньше, чем осознает

сие её носитель... В данном случае ребятам повезло, удостоились обычных центрированных пуль. Оторвало руки. Одному — у безымянного бетонного забора, другому — у моста через Днестр...

Ион и Владимир здоровались левыми руками, ими же управлялись с полным до самого венца стаканом с вином. При этом азартно курили и стряхивали пепел, ловко манипулируя сигаретой, перекидывая её на цирковой манер от указательного и среднего пальцев к мизинцу и безымянному, чтобы большим и указательным ухватиться за грани стакана. Вышивали. Передавая же тару товарищу, вновь сплавляли дымящуюся сигарету к среднему и указательному, подносили к влажным губам, затягивались.

И всё же ладони у всех были заскорузлые. Домашнее хозяйство. На пенсию не прожить. Наделы земельные, выращивали овощи и виноград. Семью кормить надо. Почти у всех росли сыны, и почему-то ни одной дочери: неужели признак войны на горизонте?

Стакан пошёл по четвёртому или пятому кругу. Заговорили оживлённей. Порой недослушивали друг друга.

— Национализм перестройки шел под чутким руководством партии...

— Почти все тираспольские лидеры — выходцы с предприятий оборонки. Значит, были связаны со спецслужбами. Разве те не знали, что творится?

— Мы думали, совершаем подвиг. А за нас всё уже продумали. Поделили...

— Они уже знали, чья возьмёт...

— По обе стороны Днестра были *их* люди, *их* деньги...

— Вот потому и предательство в высших кругах! В командном составе все понимали...

— Зачем расстреляли автоколонну? Двести ополченцев! Обтяпали, будто случайные жертвы, перепутали *свои*...

— А с нашей стороны... Пять тысяч призывников в Гербовецком лесу расколошматили из дальнобойных орудий генерала Лебеда, когда в этом уж не было стратегической нужды!

— Это была не война вовсе — шоу какое-то кровавое. А по ящику кричали лозунги...

Мужики снова брались за канистру.

И таких компаний, рассыпанных в парке под надзором или покровительством памятника Штефану Великому, было немало.

И во все эти встречи говорилось одно и то же, об одном и том же; им это было необходимо, как воздух; только они, воевавшие, пусть и по разные стороны, могли понять, что все и вся на земле подвергнуто обману и предательству.

Но не только для встречи вокруг канистры собрались сегодня комбатанты, сегодня было решено идти в направлении гневного взгляда Штефана — в Президентуру. Эта мысль пришла давно: Сергей и Михай готовились, обзаводясь необходимым для визита. Постановлено — встретиться с главным из чиновников, передать чаяния молдаван и приднестровцев, воевавших друг против друга в 1992-м. Сергей развернул бумагу с подписями защитников Приднестровья; Михай достал из кармана листок с подписями молдавских комбатантов и Обращение к мировому сообществу.

Погремели над бумагами орденами-медалями; нужно ещё урезонить канистру и выкурить сигарету без фильтра. Как перед боем. “Нистру” — все курили тогда эту марку; будто специально снабжали вояк по обе стороны куревом с символическим названием: в переводе с молдавского — Днестр. И молдаване, и приднестровцы вели сражение за главный в регионе естественный рубеж. В выигрыше оказались приднестровцы. За кем следующая партия в великой борьбе? Подобные пределы не сдают! Приднестровцы выиграли сражение, но война ещё впереди. Программа на будущее — лет на двадцать, пятьдесят, сто...

Их хотели выгнать взащей, несурзных вояк-инвалидов-усачей и не допустить в канцелярию для подачи бумаги, составленной на молдавском и русском языках, по принципу межнационального согласия. Хотели даже вызвать подкрепление, чтобы образумить “героев”, невзирая на их инвалидную

немошь и не ахти буйный нрав; полиция уж точно бы отыгралась на гуляках, так как посягнули в гульбе на святое — на власть: не просто горлопанством в центре столицы занимались, а в сердце административное шли напролом — почти уж и заговор, переворот...

Но случившийся рядом исполняющий обязанности президента, человек не робкого десятка и без особого отвращения к простым смертным, иначе распорядился. Спускался сей миг он по лестнице мраморной с золочёными перилами в лучах заходящего солнца, не спеша, статно, перебирая, видать, в уме разное, в основном, конечно, тайное и великое, — и соизволил *сам* раскрыть двери своего сердца рыцарям справедливости, комбатантам.

Пригласил шумную компанию, отбивающую сложный такт военными башмаками по паркетам, в обширный, сверкающий бликами лакированного дерева и кожи переговорный зал, а секретарю велел подновить угощениями стол после приёма делегации. Рассмотрел награды седовласых ветеранов, да и фамилии-имена поочерёдно пометил в матовом блокнотике. Удивился, конечно, исполняющий обязанности, но виду не подал: “Дожились... Сепаратисты на главный праздник собственной персоной пожаловали, с боевыми наградами на груди!” Задавал бесхитростные вопросы, относительно согласия низов с состоявшейся “*де-факто*” приднестровской государственностью: все ли поддерживают? И будто бы выражал разочарование, что самостоятельность сепаратистского региона далеко не всем по душе в нём.

— Господин исполняющий обязанности президента, — говорил Сергей. — О какой государственной состоятельности может идти речь, если из четырёхсоттысячного населения Приднестровья двести семьдесят тысяч имеют гражданство Молдовы? Нет! Мы не капитулируем. Нет! — тут же поспешил заявить Сергей. — Но мы говорим, что больше половины приднестровцев ратуют за целостное государство...

— Простите... Хм!.. — шурился на Сергея чиновник. — Вы же воевали за идеалы, и ныне отказываетесь?

— Время подсказывает, история учит... Чтобы не потерять друга и брата, с которым превратность судьбы разделила двадцать лет назад, — Сергей окинул взглядом Михая, Иона и Дину, — нужно не только менять воззрения, нужно не путать стратегию с тактикой. Мы стоим за целостную Молдавию, чтобы она не ушла на Запад, прикрываясь оговоркой: меня, мол, унизили, оскорбили, за что я — в большой обиде на Восток. Поэтому заберите меня на Запад...

— Советского Союза нет, — сказал чиновник и поднял бокал. — Предлагаю тост за День независимости... — Он пристально взглянул на Сергея. — Я вас понял: вы считаете нас тут предателями.

— И да, и нет! — отвечал простодушно Сергей. — Лично мне милее Молдавия советская. Я был студентом Кишинёвского политеха — жизнь делала всех равными: по возможностям и потребностям. И молдаване, и русские жили одной семьёй.

— Тогда мы были под пятой Москвы; теперь же — ещё и под пятой Бухареста... — с улыбкой заметил чиновник. — Нет ничего хуже буферного государства. Многие в этих кабинетах, — он округлил жестом руки воздух, — слуги двух господ... — Чиновник будто заигрывал, будто открывал что-то тайное, но такое тайное, которое было известно всем.

Тут высказался Михай:

— Господин исполняющий обязанности президента, вопрос в лоб: когда будет подписан договор о границе между Молдовой и Румынией? Мне, гражданину страны, за целостность которой я проливал кровь, хотелось бы знать, существует ли вообще — Молдова? Итак, когда?

— Исключено в ближайшей перспективе, — ответил бесстрастно чиновник. — Румынию ждут пертурбации, и выйдет ли она из них сильной, задумает ли воссоединение земель — не дано знать.

— Нам, кто воевал за Молдову, зачем думать про Румынию? — сказал Михай. — Я молдаванин!

— Я тоже! — поддержал Дину.

— Я в том числе! — ответил Ион.

— Мы не молдаване, но и про нас не забывайте! — подключился Сергей. — Если надо, мы будем манифестировать под стягами Штефана Великого! — Степан и Владимир согласно кивали.

Никто из бывших комбатантов не хотел прогибаться под политическое бессилие “маленькой страны”; у всех горели глаза, все были полны желания бороться за *свою* независимость.

Михай прогрохотал на протезах к середине кабинета, прокашлялся, надел очки и развернул Послание:

— Мы, нижеподписавшиеся, представители комбатантов Молдовы совместно с защитниками Приднестровья, постановили: довести до мирового сообщества, а также до глав государств — Молдовы, России и Румынии — наше решение... — Он опять прокашлялся. — Выступить единым фронтом, когда поглощение Республики Молдовы Румынией окажется неизбежным. В данный момент мы располагаем информацией, что Румыния и Молдова делают попытки объединиться, но не на основе конфедерации, а под прямой аннексией молдавских территорий, прикрываясь “существенным” доводом — референдумом... — Михай окинул строгим взглядом сидящих. Те слушали не шелохнувшись. — Мы, комбатанты Молдовы и защитники Приднестровья, воевавшие друг против друга в 1992 году, ныне выражаем желание встать под единые знамёна. Выражаем народную волю: Молдова — суверенная страна, такой и должна быть в веках: служить процветанию живущих на её территории народов. Выражаем готовность бороться до последнего вздоха, до последней капли крови за это намерение! Под стягами Штефана Великого и Святого! — Михай прибавил осяпшим уж голосом: — Далее подпиши свыше тридцати комбатантов Республики Молдова и защитников Приднестровья.

Реакция чиновника последовала незамедлительно:

— Bravo! Bravo!! — зарделся исполняющий обязанности, экономно хлопая в ладоши и улыбаясь. — Это вы хотите передать в канцелярию? — указал на бумагу. — Я правильно понял? Призвать, разумеется, и прессу?..

— Довести бы до сведения. Вот. — Михай протянул ухмыляющемуся чиновнику документ, обернулся к коллегам:

— Братья, нам сейчас нужно убедить Приднестровье. Это будет сложнее, чем убедить Кишинёв. Тамошним чиновникам уход Молдовы в Румынию выгоден. Они получают шанс официального закрепления в своих креслах. Это недалёковидная позиция... Надо, чтоб народ знал, тогда мы будем силой...

Михай резко надел смятую фуражку, на военный лад приложил ладонь к виску, и железным о паркет шагом пошёл вон из зала. За ним последовали остальные комбатанты.

Чиновник улыбался им вслед и втайне восхищался народной простотой. Но вместе с тем понимал: что-то зачинается в тёмных водах этого простонародья. Эту силу сбрасывать со счетов нельзя. Нужно подыскивать новый ракурс в веере политических векторов... манипулировать...

Чиновника волновало: кто они? — безрукие и безногие балагуры, — кем посланы и зачем? Но даже если представить самостоятельным явление их, то возникает ряд вопросов закономерных: вооружение в Приднестровье, присвоенное местной администрацией в период дефежа имущества Советской Армии, может обрести новый статус... вдруг им захотят воспользоваться в борьбе против Великой Румынии...

Он взглянул на русский и молдавский текст обращения, нащупал в ящике стола свободную папку и, положив документ туда, направился в канцелярию. В любом случае, этот документ требует учёта и внимания, его не кинешь в корзину, в нём есть энергия сегодняшнего настроения низов.

А комбатанты вновь вернулись под памятник и обратились к стакану...

Их соратники в городском парке подняли свою активность. Всюду комбатанты угощали комбатантов из безразмерных канистр. А также не имеющих опыта военных походов обывателей угощали. Кто-то громко пел, кто-то спорил и орал в этом споре до хрипоты, конечно, пьяным голосом; несколько великанов купались в фонтане, плескались на зрительской воде; кто-то, чинясь и придавая себе геройство, давал интервью для печати или телевидения; другие маялись незнанием, куда приложить усечённые богатырские силы...

Черноглазая красавица проплыла мимо компании. Улыбнулась всем, помахала рукой. Но Степану, видать, показалось, что улыбнулась красотка именно ему. Ему! Степан расцвел, даже порывался побежать за красоткой. Но сдержал себя, стиснул зубы.

— Если б была у меня правая, я бы... — Взгляд его горячий и обиженный упал на Дину... — Да ведь если б не вы, жил бы я... совсем по-другому... С такими красотками вытворял... По кой хрен сдалась вам эта Румынья, дурни безмозглые?! — Он в упор смотрел на Дину.

Тут и сам безрукий не сдержался, что-то ляпнул в ответ: “Сам ты гад!” — И враз пустил в ход единственный кулак.

Тут и Ион сразу пошёл за товарища. А Владимир ни за что не сдал бы Степана врагам... Четверо одноруких бойцов встали на дыбы. И хмель дурной, и обида за своё инвалидство и что-то ещё, чего не выразить никакими словами, выиграли в них, и пошли они месить друг друга...

— Мы своих не сдаём!

— Сволочи! Надо было вас ещё там перестрелять!

— И нам надо было сравнять всё с землёй!

Они сплелись туловами, безрукие, куражились в рукопашной трынте. Бились как могли, но не до смерти, — так, для остротки, до первой крови. Только Сергей и Михай перекатывали желваки на щеках, но не смели дать друг другу в морду, хоть и каждый болел за своих и ненавидел врага. И не было тут ничего сверх, даже ничего нового, ведь лупили ж из “калашникова” друг в друга не так давно, обмениваясь увечьями на всю оставшуюся жизнь...

— Хватит, мужики! — выкрикнул наконец Михай.

— Угомонитесь! — приказал Сергей.

Владимир и Степан, Ион и Дину утирали рукавом разбитые в кровь губы и носы, сопели, тяжело дышали, что-то рыкали по-матерному.

Михай налил в стакан вино, молча протянул Степану, зачинщику потасовки. После стакан пошёл по кругу.

Через четверть часа они пьяными, охристыми голосами пели старые советские песни. Было в их голосах, кроме тоски и ностальгии, что-то свирепое, непокорное и глухое. Никогда никаким чиновникам не понять, что это было.

Садилось солнце, вечерело, уныло повисли стяги, сдулись разноцветные воздушные шары. Праздник для комбатантов подходил к концу.